

твенная борьба, предшествовавшая разрыву съ старымъ, тѣмъ больше страсти вносится въ защиту новаго. Попытка самооправданія почти неизбѣжно принимаетъ характеръ пропаганды. Одно только, какъ намъ кажется, обязательно для каждаго, перешедшаго справа на лѣво или слѣва направо: это—терпимость къ своимъ прежнимъ единомышленникамъ, готовность вѣрить въ ихъ добросовѣстность и честность. Въ самомъ дѣлѣ, кто принадлежалъ однажды, и принадлежалъ всей душой, къ извѣстной партіи или группѣ, кто держался однажды извѣстныхъ мнѣній, тотъ не можетъ настолько забыть свое прошлое, чтобы отрицать возможность искренней вѣры въ эти мнѣнія, искренней преданности дѣламъ, преслѣдуемымъ этою группой. Онъ долженъ знать, что въ покинутомъ имъ лагерѣ есть правдивые, убѣжденные люди; онъ можетъ считать ихъ заблуждающимися, но не имѣетъ права обвинять ихъ всѣхъ поголовно въ преступномъ упорствѣ, въ сознательномъ игнорированіи истины. Онъ долженъ помнить, при какихъ обстоятельствахъ начался и продолжался процессъ, отдалившій его отъ прежнихъ убѣжденій—и долженъ понимать, что не для всѣхъ наступаетъ, не на всѣхъ одинаково дѣйствуетъ такое стеченіе обстоятельствъ.

Ничего подобнаго не хотѣлъ знать покойный редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Исторія его метаморфозы не написана еще никѣмъ, да едва ли и можетъ быть написана въ ближайшемъ будущемъ; она слишкомъ тѣсно связана съ такимъ моментомъ нашей общественной жизни, который еще недостаточно отошелъ въ прошлое. Допустимъ, однако, что, переставая быть либераломъ и сторонникомъ западно-европейскихъ порядковъ, Катковъ руководствовался исключительно самыми лучшими побужденіями; тяжелымъ упрекомъ его памяти во всякомъ случаѣ остается та роль, которую онъ игралъ съ тѣхъ поръ по отношенію къ своимъ прежнимъ вѣрованіямъ, къ своимъ прежнимъ союзникамъ. Позади его лежали не юношескія увлеченія, не мимолетныя вспышки. Основывая „Русскій Вѣстникъ“, онъ былъ человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, очень хорошо сознававшимъ, чего онъ желаетъ и къ чему стремится. Этимъ желаніямъ и стремленіямъ онъ былъ вѣренъ болѣе пяти лѣтъ, настойчиво и успѣшно распространяя ихъ въ средѣ русскаго общества. Событія могли переубѣдить его, могли привести его къ заключенію, что онъ ошибался въ выборѣ пути, даже въ выборѣ цѣли; но ему не слѣдовало упускать изъ виду, что на другихъ тѣ же самыя событія могли подѣйствовать совершенно иначе. Онъ измѣнился самъ—этого было довольно, чтобы *требовать* отъ всѣхъ такой же перемѣны. Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ врагами отечества и государства оказываются даже тѣ, кто занимаетъ позицію, только-что оставленную Катковымъ. „С.-Петербургскія Вѣ-